

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

**К ПРОБЛЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
КОНСТРУКЦИЙ ТИПА ИМАТЬ БЫТИ VS. ХОЧЕТЬ БЫТИ
В РАННИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ**

1. В последние годы оживился интерес к проблеме семантики древних славянских сочетаний модальных и фазовых глаголов с инфинитивом — так называемого «будущего сложного I». Если в работах второй половины XX в. — П. С. Кузнецова, Г. А. Хабургаева и его учеников и др. [Кузнецов 1959: 233, 235–236; Горшкова, Хабургаев 1981: 293–294; Мустафина 1984; Мустафина, Хабургаев 1985] — было показано, что такие конструкции с разными вспомогательными глаголами различались по своей семантике, и в общем виде намечен характер этих различий¹, то исследователи начала XXI в. обратились к детальному изучению специфики грамматической семантики этих структур с учетом достижений современной грамматической теории и типологии. Работы И. С. Юрьевой, выполненные на материале древнерусских памятников XII–XV вв. [Юрьева 2006; 2009: 2011; 2015 и др.], и статья А. А. Козлова, посвященная семантике конструкций *хотъти/имъти* с инфинитивом в языке старославянских (ст.-сл.) памятников [Козлов 2014], существенно продвинули нас по пути понимания значений древних славянских инфинитивных конструкций с *имъти* и *хотъти*.

А. А. Козлов рассматривает эти ст.-сл. конструкции как начальный этап грамматикализации будущего времени и, сравнивая их с аналитическими формами будущего современного болгарского языка, практически объединившими бывшие *имъти-* и *хотъти*-конструкции в рамках одной парадигмы, предлагает свою версию пути грамматикализации этих древних структур в болгарское будущее и другие футурально-проспективные формы современного болгарского языка [Там же]. Многие из наблюдений этой работы, опирающейся на данные современной грамматической типологии, релевантны и для раннедревнерусского материала — см. об этом [Юрьева

¹ По мнению П. С. Кузнецова, правда, эти различия, восходящие к праславянской эпохе, к началу исторического периода могли уже в значительной степени стереться [Кузнецов 1959: 235].

2015], см. также о проспективной семантике *хотъти*-оборотов, хоть и с использованием иной терминологии, в работах [Юрьева 2006; 2009]. При этом в вост.-слав. зоне последующей грамматикализации этих структур не произошло — если не считать форм *иму* + инфинитив, исконно представляющих глагол *ιати* ‘взять’, грамматикализовавшихся в юго-западной зоне и в ряде севернорусских говоров и надежно фиксирующихся в памятниках в футуральном значении с XIII в. [Соболевский 2004/1907: 168; Горшкова, Хабургаев 1981: 321–322; Юрьева 2011: 76–86 и др.] — см. об этом ниже. Ранние славянские диалектные системы в отношении «перифрастических» конструкций так называемого «будущего сложного I» были, видимо, сходны, поскольку эти структуры восходят к праславянской эпохе, однако уже в раннюю эпоху (XI–XIII вв.) между разными диалектными системами, вероятно, намечались различия — см., например, о сходствах и различиях древнерусских и древнесербских *имъти* (*имать*) и *ιати* (*иметь*)-конструкций [Гудков 1963].

Работы И. С. Юрьевой и А. А. Козлова многое проясняют, но многие вопросы еще остаются неясными и нуждаются в дальнейшем обсуждении. Прежде всего это вопрос о семантических различиях *имамъ*- и *хочю*-оборотов в сходных контекстах по данным ранних вост.-слав. памятников, что, естественно, напрямую связано с интерпретацией семантики тех и других конструкций. Открытым остается и вопрос о ранних диалектных различиях в сфере рассматриваемых структур. Учитывая достижения недавних работ, посвященных данной проблематике, обратимся к этим вопросам.

Предлагаемая статья представляет результаты наблюдений автора над проблемами семантики *имамъ*- vs. *хочю*-конструкций в языке раннего русского летописания и некоторых других памятников того же времени. Основным материалом послужила Повесть временных лет (ПВЛ) по старшим спискам — Лавр. (с разноточениями по Радз. и Акад. спискам), Ипат. (с разноточениями по Хлебн. и Погод. спискам) и НПЛ младшего извода, использованы также данные Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ) в древнерусском переводе рубежа XI–XII вв. по старшим спискам Тип. № 182 и Сол. № 216 (см. [Мoldovan 2000]).

При том что рассматриваемые конструкции в ПВЛ уже не раз были предметом исследования и многие из представленных в этом памятнике примеров уже давно введены в научный оборот и не раз обсуждались (см. [Потебня 1888: 363–370; Мустафина 1984; Мустафина, Хабургаев 1985; Юрьева 2009; 2011; 2015] и др.), к проблеме интерпретации их семантики и системных отношений между конструкциями с *имамъ* и *хочю* (тем более что в разных работах их значения трактуются по-разному), как кажется, полезно обратиться вновь. В заглавие статьи вынесены конструкции с инфинитивом *быти*: они представляют собой наиболее яркий образец «минимальной» пары, где особенно отчетливо проявляются семантические различия *имать*/ *хотеть*-оборотов. Рассматриваются, разумеется, и сочетания *имъти*/ *хотъти* с инфинитивами всех прочих глаголов, представленные в ПВЛ.

2. О проспективном значении *хотъти*-конструкций в восточнославянских памятниках

В понимании семантики древних *хотъти*-конструкций существенный прогресс достигнут благодаря предложению видеть в них структуры со значением проспектива — аспектуальной категории, маркирующей подготовительную стадию ситуации [Козлов 2014]: ‘состояние X-а таково, что позже произойдет Р’, т. е. состояние субъекта «чревато» «некоторой будущей ситуацией» [Плунгян 2011: 385–386], ср. англ. *is going to, is about to* (о показателях проспектива в языках мира см. [Там же]).

Анализ ст.-сл. материала в [Козлов 2014] убеждает, что *хотъти*- конструкции — и в презенсе (что традиционно называли «будущим сложным I»), и в имперфекте, и в презентном причастии — регулярно используются для передачи проспективной семантики, ср.: ...**влънъни же въливахъ ся въ ладиъ ъко юже погрѣшити хотъаше** (Мар Мк 4: 37); **ѹчителю когда оѹбо си вѣдѫтъ. и что есть знамение егда хотѣть си быти** (Мар Лк 21: 7) и др. (см. [Козлов 2014: 130–133]).

То же самое значение этих конструкций представлено и в вост.-слав. текстах: И. С. Юрьева назвала его значением «близкой возможности» [Юрьева 2006; 2009: 15–17], позднее приняв предложенное А. А. Козловым в применении к нему понятие проспектива [Юрьева 2015], — в этих работах так же, как и в работе [Козлов 2014], показано развитие семантики *хотъти*- конструкций от значения желания через значение намерения субъекта к значению близкой возможности (проспектива) (см. [Юрьева 2009: 12–17; Козлов 2014: 129–133]). Ср. примеры из вост.-слав. памятников:

И рече Глѣбъ: «то вѣси лѣ, что ти днесъ хотѣть быти» (ПВЛ, 1071 г., НПЛмл, л. 94 об.);

Се оуже хотѣмъ померети ѿ глада, а ѿ кназа помочи нѣту (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44=Ипат., л. 48);

Прозвутерь же видѣвъ дѣтища и срѣдьчными очима прозрѧ южже о немъ како хотѣть из млада Богоу дати ся Феодосиемъ того нарицаютъ (ЖФП, 27а–27б);

Зимъ бо велицъ наставши и мразоу лютѣ наставшию сѹщѣ всакъ родъ плотныи ѿ бѣды зимныи хоташе изധыхати (ЖАЮ, Сол., л. 13, 642–643);

И прѣже поидетъ бѣ сушии въ немъ съ громомъ путь творѧ водамъ хотящимъ прити на облацъ (ЖАЮ, Тип., л. 53в, 4269–4271) и др. (см. [Юрьева 2009: 15–16; 2015] и др.).

При этом для части ст.-сл. проспективных *хотъти*-конструкций в [Козлов 2014] предлагается видеть значение *предестинативного проспектива* ('Х-у суждено/предстоит V'), отличающееся от собственно проспектива тем, что «подготовительная» фаза осмысливается не как «какое-либо определенное положение дел, а [как] ненаблюдаемые метафизические свойства мироустройства», тем самым они оказываются неизменными на всем протяжении существования мира, а «подготовительная фаза для вы-

сказываний типа ‘Х-у суждено V’ становится максимально размытой» [Там же: 128]. Такое значение предполагается для пророчеств-предсказаний типа ст.-сл.:

въѣдѣаше бо искони йсъ. кто сѫгть не вѣроуїшти. і кто есть хотѧн
прѣдати и (Мар. Ин 6: 64) — совр. перевод «и кому предстояло предать
Его»;

сего же о себѣ не рече. нъ архнєрен сы лѣтоу томоу прорече. ѿко хотѧше
ис оумърѣти за люди (Мар. Ин 11: 51) — совр. перевод «… будучи на тот
год первосвященником, предсказал, что Иисусу суждено умереть за народ»
— и др.

Сходные контексты предсказаний-пророчеств встречаются и в вост.-слав. памятниках — И. С. Юрьева соглашается с тем, что в них можно видеть не собственно проспективное, а предестинативное значение. Так трактуется приведенный выше контекст из ЖФП (*яко хощеть из млада Богоу дати сѧ* л. 27а–27б ‘ему суждено посвятить себя Богу’) и некоторые другие контексты из ранних вост.-слав. агиографических текстов; так же интерпретируются и некоторые примеры из летописей, где — в силу отличия их содержания от агиографических памятников — контексты пророчеств встречаются реже, но они тоже есть, ср. не раз обсуждавшийся пример: *лють се мужъ хоче быти, яко имънъя не брежеть, а оружье юмлетъ* (ПВЛ, 971 г., Лавр., л. 22; Ипат., л. 28 об. *хощеть быти; НПЛмл*, л. 40 об. *хотеть быти*) — перевод И. С. Юрьевой ‘должно быть, он поступит жестоко’ [Юрьева 2015] (о разных трактовках данного контекста см. ниже).

Обратим при этом внимание на то, что, предлагая видеть в подобных контекстах предестинативное значение, А. А. Козлов предполагает здесь последующую ступень эволюции семантики *хотѣти*-конструкций: переход от внутреннего проспектива (описывающего состояние участника ситуации) к внешнему проспективу (описывающему уже состояние не участника, а окружающего его мира), что аналогично типологически закономерному развитию от внутренней модальности (‘Х-у нужно V’) к внешней модальности (‘Х-у придется V’) [Козлов 2014: 127–128]. Предестинативный проспектив (типа ‘Х-у суждено/предстоит V’) понимается именно как одна из стадий развития внешнего проспектива [Там же] (о различении значений внутреннего и внешнего проспектива, называемого здесь «интенциональным» и «пророческим», см. также [Плунгян 2011: 387]).

Однако возникает вопрос, действительно ли древние славянские *хотѣти*-конструкции в таких контекстах предсказаний-пророчеств полностью порывают с интенциональной семантикой, идущей от формирующего их модального глагола, и трансформируются в значение внешнего проспектива, представляющего ситуацию как неизбежноющую произойти в силу устройства мира и вне зависимости от внутренних свойств субъекта. И в чем тогда отличие их значения от *имѣти*-конструкций, для которых еще в большей степени характерно употребление в предсказаниях и про-

рочествах и не раз отмечавшееся исследователями значение неизбежности, неотвратимости грядущей ситуации (см. [Мустафина 1984: 13–14; Мустафина, Хабургаев 1985: 25–28; Юрьева 2009: 7–9; 2011: 72–75] и др.)?

Понятно, что современный русский перевод евангельских контекстов типа «предстояло предать», «суждено умереть» (см. выше) предлагает такую «внешнюю» проспективную трактовку, но в современном русском языке нелегко найти адекватные средства точной передачи различий значений внешнего и внутреннего проспектива — так ли это интерпретировалось исконно? Заметим, что и в лингвистических исследованиях значения *хотъти/имъти*-конструкций в таких пророчествах обычно трактуются с помощью одних и тех же языковых средств (ср.: *не имамъ нальсти* дружины ПВЛ, 996 г. ‘мне не найти’ [Потебня 1888: 364; Юрьева 2011: 71]; *не пыцътеса како или чъто имаате глаголати* Остр.Ев. Мат 10: 19 ‘надлежит сказать, суждено сказать’ [Юрьева 2011: 70] и под. (подробнее о *имъти*-конструкциях см. ниже). Были ли подобные «пророческие» контексты с *имъти* и *хотъти* действительно практически синонимичны, а если нет, то в чем состояли различия их семантики?²

Очевидно, что с совершенной надежностью это установить вряд ли возможно. Предложим некоторую гипотезу.

Как кажется, во всех примерах с *хотъти* — как собственно проспективных, так и тех, которые А. А. Козлов — И. С. Юрьева называют предестинативными, т. е. в контекстах пророчеств — неизбежность наступления ситуации обусловлена развитием внутренних свойств субъекта. Даже если эти свойства изначально заложены извне — свыше (что никак не противоречит тому, что они мыслятся как присущие данному субъекту), они есть часть этого субъекта и категоризуются языком (по крайней мере, на том этапе, который отражен древнерусскими памятниками) как проистекающие от субъекта, а не извне по отношению к нему — со стороны внешнего мира.

Так, в уже приведенном известном примере из ПВЛ: *и рѣша боларе лютъ се мужъ хотче быти* (971 г., Лавр., л. 22 — Ипат: *и ркоша бояре. лютъ съи мужъ хотеть быти*, л. 28–28 об.) — это «предсказание» царских бояр основано на том, что они наблюдали: это вывод, следующий из оценки поведения Святослава, оставшегося равнодушным ко всем дарам, кроме меча (заметим, что в данном контексте обоснование этого вывода-«пред-

² Обратим внимание на замечание А. А. Козлова о том, что «предестинативное значение *хотъти/имъти*-конструкций вообще денотативно близко смыслу, который передает *имъти*-конструкция: часто они могут взаимозаменяться» [Козлов 2014: 136] (примеры таких замен, правда, не приведены). В работах же Г. А. Хабургаева — Э. К. Мустафиной на материале разных списков ПВЛ, наоборот, подчеркивается отсутствие взаимной мены *хотъти/имъти*-конструкций, что свидетельствует о сознательном выборе древнерусскими книжниками *имать* vs. *хотеть* — конструкции и наличии между ними семантических различий [Мустафина, Хабургаев 1985; Мустафина 1984: 12].

сказания» прямо эксплицировано: *яко имънъя небрежеть, а оружье юмлетъ*). Вывод об ожидаемом поведении субъекта здесь основан на наблюдаемом проявлении его внутренних свойств — нет оснований видеть в этом контексте значение внешнего проспектива³.

Так же в контекстах из ЖФП предсказания о предстоящем жизненном пути Феодосия подаются *хотѣти*-конструкциями, видимо, как постижение заложенных в нем (ребенке) особых свойств, ср.: *прозвутеръ же видѣвъ дѣтища и срѣдьчными очима прозиръа юже о немъ яко хотѣти из млада Богоу дати сѧ...* (ЖФП, 27а) — священник, увидев младенца, постиг духовным взором, что заложено в этом ребенке, каков будет его путь. Точно так же прозрение-пророчество Антония, к которому пришел юный Феодосий, мы видим в контексте: *и прозорочными очима прозриа. яко тъ хотиаше възградити самъ мѣсто то. и манаstryръ славынъ сътворити* (ЖФП, 31б) — блаженный Антоний постиг, что это «заложено» в Феодосии, причем в тексте сказано, что он «прозрел» это «прозорочными очими» в процессе беседы с юношей (*се же не тѣкмо искоушаи и глаголаиша и прозорочными очима прозриа...* Там же).

Как кажется, в таких контекстах предсказанное — то, что определенно должно произойти — представлено как проявление внутренних свойств субъекта, заложенных в нем изначально. Конечно, в современном переводе подобные контексты удобнее всего передать как ‘ему суждено, предстоит’ и под. Но в древнем тексте, как кажется, это ≈ ‘предстоит’ представлено как идущее из субъекта, а не «поставленное» перед ним извне. Как кажется, проспектив здесь остается внутренним и нет принципиальной разницы в грамматической семантике таких «предестинативных» контекстов предсказаний с *хотѣти* и собственно проспективных типа *се оуже хочемъ померети ѿ глада* ПВЛ, 997 г. и под.

Кстати, основания выделения таких контекстов, для которых предполагается значение внешней модальности и внешнего проспектива, оказываются очень неопределенными. Так, сходное значение предсказания можно увидеть и в ряде других контекстов из ПВЛ, ср., например:

дьяволъ ра⁹вашеса сему не вѣдьни яко близъ погибель хотиаше быти ему (ПВЛ, 983 г., Лавр., л. 26 об. = Ипат., л. 32 об.) — дьявол радовался, не зная, что погибель ему здесь была предопределена, определенно предстояла (со-

³ Поэтому и переводы с помощью вводного «должно быть», восходящие к А. А. Потебне, кажутся не совсем точными («должно быть (стало быть) он лют, когда...» [Потебня 1888: 367]; «должно быть, он поступит жестоко» [Юрева 2015]): в таком случае выражается переход уже к эпистемической модальности — оценке вероятности данной ситуации со стороны говорящих, чего в древнем тексте, видимо, все-таки нет (при этом в трактовке А. А. Потебни значение *хотѣти* здесь полностью сводится к эпистемической оценке, а проспективно-футуральной семантике не предполагается вообще, ср. его полемику с Ф. И. Буслаевым: «т. е. не “он будет жесток”, как понял Буслаев (п. 185, прим. 2), а “должно быть (стало быть) он лют, когда...”» [Там же].

биралась произойти), при этом языком это подается как событие, надвигающееся «со стороны» этой погибели, выступающей здесь в роли субъекта;

ср. также предсказание волхвов в Речи Философа: *[И рѣша вольсви египетстии ictю. родился є дѣтицъ в жидѣхъ — из РА]. иже хотеть погубити Сюпетъ* (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 31 = Ипат., л. 37 = НПЛмл, л. 53) — контекст, сходный с рассмотренными выше контекстами из ЖФП;

ср. частично приведенный выше контекст из рассказа о восстании волхвов в Новгороде, который тоже, в сущности, является «пророчеством»: *Глѣбъ же возма топоръ подъ скutoмъ приде к волхву и ре^т юму. То вѣси ли что 8тро хотеть быти и что ли до вечера. он же ре^т проповѣжь всл. И ре^т Глѣбъ то вѣси ли что [ти] хотеть быти дѣ* (ПВЛ, 1071 г., Лавр., л. 61 = Ипат., л. 67 = НПЛмл, л. 94 об.) — Глеб предлагает волхву предсказать, что произойдет утром и до вечера, что произойдет сегодня (сейчас); и опять, как и в прочих контекстах предсказаний с *хотѣти*-конструкциями, событие предстает как надвигающееся со стороны субъекта (в данном случае субъектом оказывается само это событие, обозначенное местоимением *что*).

Яркие примеры контекстов пророчеств с *хотѣти*-конструкциями — с тем же значением, что и рассмотренные выше контексты из ПВЛ, — мы находим в ЖАЮ, значительная часть текста которого содержит эсхатологические предсказания Андрея Юродивого, ср.:

Поминала же стго дивлышесѧ. како прорѣ^т емъ все ели[ко] сѧ ему хоташе створити (ЖАЮ, Сол. 216, л. 70 об., 2694) — ‘предсказал ему все, что с ним собиралось (должно было, предопределено было) произойти’;

Се есть послѣднала моа повѣсть к тебе. оуже бо нѣ^т ти мене видити. ни оузиши мене жива ни оумерша // нъ толико бхомъ. нъ повѣдѣ ти чисто все хотящее быти послѣди (ЖАЮ, Сол. 216, л. 169 об.–170, 5975) — ‘я рассказал тебе все, собирающееся произойти после’ и др.

У этих контекстов «пророчеств», как кажется, нет принципиальных отличий в грамматической семантике от прочих («непророческих») проспективных контекстов с *хотѣти*-конструкциями типа: ...*вслѣкъ родъ плотныи ѿ бѣды зимныи хоташе изыхати* (ЖАЮ, Сол. 216, л. 13, 642–643); *Раздѣли бо бѣахъ како оутро преставитися хотеть ѿ тѣла* (ЖАЮ, Сол. 216, л. 131 об., 4709–4710); ...*путь твора водамъ хотящимъ прити на облацѣхъ* (ЖАЮ, Тип. 182, л. 53, 4271) — из разъяснений Андрея, откуда берется дождь («О водах»), и др.

Показателен яркий пример из эсхатологических бесед Андрея с Епифаном, где первые две *хотѣти*-конструкции употреблены в «пророческом» контексте (вопросе Епифана о том, верно ли такое пророчество), а третья — в отрицательном ответе Андрея — «пророческого» смысла не несет: *Добрыи мои бѣче. азъ бо о тѣхъ не пекуся но се ми повѣжь. како нѣчи гѣть. како не потопитися хотеть стаѧ Софыя съ градомъ. нъ невидимою силою повиснути хотеть на вѣздуси. Стѣць ре^т. Что гѣши ча^т. тако. да всему граду погружену сущю како та хотеть остати. комуже та ѿстъ кому надоби. ци Бѣ. иже не в рукотворенахъ цѣквахъ живеть. лжса*

и есть слово се (ЖАЮ, Тип. 182, л. 65 об.–66, 5424–5429) — ‘как же она собирается (должна будет, может) оставаться, если весь город будет потоплен, кому же она нужна, разве [будет она нужна] Богу, который в нерукотворных церквях живет...’ — в современном переводе присущее древним конструкциям значение внутреннего проспектива неизбежно ускользает.

Думается, что принципиальных отличий в грамматической семантике контекстов предсказаний с *хотѣти*-конструкциями от собственно проспективных контекстов нет: во всех случаях проспективного употребления этих оборотов в вост.-слав. текстах это внутренний (интенциональный) проспектив, развившийся на базе присущего глаголу *хотѣти* значения внутренней модальности (по цепочке: желание → намерение → проспектив); как кажется, перехода к значению внешнего проспектива здесь нет. Показательно в этой связи, что в вост.-слав. зоне нигде не произошла грамматикализация этих структур в будущее время, при том что сами *хотѣти*-конструкции по говорам сохранились, ср. диал.: *день хочет быть хорошим* (арх.), *На кого же он хочет походить* (о двухмесячном мальчике)? (д. Деулино, ряз.) [Юрьева 2009: 17] — с тем же значением внутреннего проспектива, что и в древнерусских текстах⁴.

По-видимому, и для ст.-сл. контекстов пророчеств, трактуемых в [Козлов 2014] как предестинативный проспектив, ситуация была сходной с древнерусской. По крайней мере, принципиальных семантических отличий приведенных евангельских контекстов от рассмотренных выше примеров из вост.-слав. памятников не наблюдается. Так, в контексте **въдѣаше бо ико-ни и сътъ вѣроуѣште. і кто есть хоти прѣдати** и (Мар. Ин 6: 64) предначертанность предательства вполне могла быть представлена как заложенная изначально в тех, кому предстояло это сделать; еще с большей вероятностью подобным образом интерпретируются контексты о Иисусе — о том, что Ему предстояло умереть за людей: ... **Что хотѣаше ис оумѣре-ти за люди** (Мар. Ин 11: 51), см. выше — ср. рассмотренные выше контексты из ЖФП. Сходен по грамматической семантике с контекстами пророчеств из ПВЛ и ЖАЮ (см. выше) евангельский контекст: **когда оубо си вѣдѣтъ и что есть знаменіе егда хотятъ си быти** (Мар. Лк 21: 7), см. выше.

Вполне вероятно, что в эпоху ст.-сл. памятников и в болгаро-македонской зоне *хотѣти*-конструкции оставались еще таким внутренним (по происхождению интенциональным) проспективом — до его грамматикализации в аналитическое будущее было еще довольно далеко.

В вост.-слав. зоне в древнерусскую эпоху это было, судя по всему, именно так — и остается до сих пор там, где эти структуры сохранились.

⁴ Кажется, в определенной степени близкое (хотя, конечно, неточное) современное русское литературное соответствие этих конструкций — сочетания с глаголом *собираться*, значение которых также базируется на значении намерения, при этом, как и у древнерусских и диалектных *хотѣти*-конструкций, может относиться и к неодушевленному субъекту.

По-видимому, эта метафорическая интенциональность *хотъти*-конструкций и лежит в основе отличия их семантики от *имъти*-конструкций, также передающих значение неизбежности наступления грядущего события (и особенно часто в пророчествах), но уже со стороны внешнего по отношению к субъекту мира.

3. Проблема семантики *имъти*-конструкций.

Имамъ + инфинитив и иму + инфинитив: источники и пути развития грамматической семантики

Тот факт, что именно конструкции типа *имать+инфinitiv* передают в древних славянских текстах модальное значение неизбежности, неотвратимости наступления указанной ситуации, отмечалось многими исследователями. Еще А. А. Потебня писал, что конструкции *имамъ+ инфинитив* могут иметь «модальный оттенок необходимости» и «приписываемой говорящему уверенности, что события, о коих он говорит, непременно совершаются» (*сребромъ и златомъ не имамъ нальсти дружины* (мне не найти, наверное не найду) ПВЛ, 996 г., Лавр., л. 43 об.; *видите ли горы сиа? яко на сихъ горахъ восиаеть блгдть божья, имать градъ великъ быти и цркви многи Бъ възвигнуты имать* ПВЛ, Введ., Лавр., л. 3 об.) [Потебня 1888: 364]; ср. также о значении неотвратимости и неизбежности, передаваемом этими конструкциями, в работах [Горшкова, Хабургаев 1981: 294; Мустафина 1984: 13; Мустафина, Хабургаев 1985: 25–28; Юрьева 2009: 7–8; 2011: 68–74].

А. А. Козлов предложил видеть в ст.-сл. конструкциях *имъти + инфинитив* «будущее время с усиленной ассерцией», т. е. уже (грамматикализовавшиеся?) аналитические формы будущего времени, передающие при этом более высокую уверенность в грядущем, чем обычно [Козлов 2014: 134–138], — именно так трактуется отмечавшееся исследователями для этих конструкций значение уверенности в том, что указанные события непременно совершаются (см. выше [Потебня 1888: 364], ср. также ссылки на отмечаемое Х. Бирнбаумом значение «эмфатического акцента» у *имъти*-конструкций, см. [Козлов 2014: 143]). Правда, для трех ст.-сл. примеров этих оборотов об ассерции говорить явно невозможно, ср.: *рыци намъ. когда се бждетъ и кое бждетъ знамение. егда имжтъ съконачати ся въсъси* (Мар. Мк 13: 4); *можета ли пити чашж. ижже азъ имамъ пити* (Мар. Мф 20: 22); *и вы не иштете что имате ёсти и что пити* (Мар. Лк 12: 29) — их предлагается интерпретировать «в духе внешней возможности» и считать архаизмом, отражающим предшествующую стадию развития конструкции [Там же: 138, 142].

Для древнерусских *имъти*-конструкций говорить о грамматическом будущем явно невозможно, хотя их употребление в книжных памятниках во многом сходно со старославянским. Связано ли последнее исключи-

тельно с книжностью *имамъ*-конструкций и их чуждостью вост.-слав. диалектной системе или причины все-таки следует искать в их семантике и грамматическом статусе?

Исследователи не раз обращали внимание на то, что конструкции с *имѣти* (*имамъ*, *имать* и т. д.) встречаются только в книжных вост.-слав. текстах [Кузнецов 1953: 254–255; Гудков 1963: 44; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Юрьева 2009: 7; 2011: 75 и др.] — в вост.-слав. ареале с достаточно раннего времени они принадлежали, видимо, только книжной традиции. Высказывалось даже предположение, что они вообще были чужды живому древнерусскому языку [Гудков 1963: 44], однако неясным остается, с какого времени: предлагается ли это различие возводить еще к позднепраславянской эпохе или уже к древнерусской. Достаточно широкое и явно семантически мотивированное употребление *имамъ*-конструкций в раннем киевском летописании — прежде всего в ПВЛ (см. [Потебня 1888: 363–365; Мустафина, Хабургаев 1985; Юрьева 2009: 7–11; 2011], см. также ниже) — свидетельствует, думается, о том, что в раннедревнерусскую эпоху эти структуры существовали по крайней мере в пассивном знании вост.-слав. книжников, т. е. были уже архаичными и не употреблявшимися в разговорной речи, маркированно книжными, но не чуждыми — понятными с семантической точки зрения и при необходимости в соответствующих текстах употребляемыми (ср. сходную трактовку *имамъ*-конструкций как архаизмов в [Юрьева 2009; 2011: 72]), аналогично ситуации с аористом и имперфектом в вост.-слав. памятниках (см. [Зализняк 2004: 174]).

Насколько рано в некнижном др.-рус. языке распространились конструкции с *имоу* (от глагола *имѣти* ‘взять’), вроде бы лишенные какого-либо модального значения и выражавшие собственно значение будущего, — остается не вполне ясным: в летописи они проникают со второй половины XIII в., в деловых грамотах надежно фиксируются тоже с XIII в. [Юрьева 2011: 75–80], однако известны примеры из ранних княжеских уставов, хоть и дошедших в более поздних списках (см. [Там же]). Вопрос о ситуации с *имамъ-//имоу-* конструкциями в раннедревнерусскую эпоху (XI–XII вв.) еще нуждается в исследовании — возможно, это был переходный период от одной (модальной) к другой (скорее фазисной, а впоследствии собственно футуральной) конструкции⁵; о возможном пути семантической эволюции *имоу*-конструкции см. ниже.

⁵ Взаимодействие парадигм глаголов *имѣти* (*имать*) и *имѣти* (*иметь*), о котором писал П. С. Кузнецов, практически объединяя их в один глагол [Кузнецов 1959: 236], видимо, действительно имело место: несомненным основанием для такой контаминации была омонимия форм 3 л. мн. ч. *имуть* и для нетематического *имѣти*, и для тематического глагола *имѣти*; о взаимодействии *имамъ-//имоу*-конструкций по данным памятников XIII–XV вв. см. [Юрьева 2009: 10–12; 2011: 80–86]. Однако приводимые В. П. Гудковым параллели из древнесербских памятников, где те же конструкции сосуществовали достаточно длительное время, причем со сходным распределением модального (*имѣти*-конструкция) // немодального (*имѣти*-конструк-

Вернемся к раннедревнерусским летописям, где из названных двух типов структур представлены только конструкции с *имамъ*.

3.1. Как уже говорилось, в подавляющем большинстве случаев *имъти*-конструкции в ПВЛ выражают отмечавшееся исследователями значение неизбежности грядущего события —ср. примеры выше, ср. также в рассказе о крещении Ольги: *И рѣтъ пѣтархъ чадо вѣрное во Крѣта крѣтилася еси и во Крѣта облечесѧ. Хъ имать схранити та. якож // схрани Сноха и первыи роды* (ПВЛ, 955 г., Лавр., л. 17 об.–18 = НПЛмл, л. 35 — Ипат.: съхранить та, л. 24 об., но Х.П. *има^м* съхранити, что явно представляет исконное чтение ПВЛ);

ср. в рассказе об осаде Киева печенегами: *аще кто не приступить с утра (Р.А. не подступите заутра) предатися имамъ* Печенѣгомъ ‘неизбежно сдадимся, вынуждены будем сдаться’ (ПВЛ, 968 г., Лавр., л. 19 об. = Ипат., л. 26 — НПЛмл *предатися имоуть*, л. 37 об.) — и в словах печенегов из того же рассказа: *Аще ли сего не створимъ погубити ны // имать Стославъ* ‘неизбежно погубит’ (968 г., Лавр., л. 19 об.–20 = Ипат., л. 26 об. = НПЛмл, л. 37 об.);

в рассказе об осаде Владимиром Корсуня: *и рѣтъ Володимиръ къ гражданиномъ. Аще сла не вдастте имамъ стокати и за .Г. лѣтъ* (988 г., Лавр., л. 37 об. = Ипат., л. 41 об. = НПЛмл, л. 61 об.) — и далее в том же рассказе обращение к греческой царевне: *Видиши ли колько зла створиша Русь Грекомъ и нынѣ аще не идеши то же имутъ створити намъ* ‘непременно сделают’ и *одва ю принудиши* (988 г., Лавр., л. 38 = Ипат., л. 42 = НПЛмл, л. 62 об.);

в словах дьявола после крещения Руси: *не има^м оуже ирѣтвовати въ страна^х сихъ* ‘мне уже не царствовать — неизбежно’ (ПВЛ, 988 г., Лавр., л. 41 = Ипат., л. 44 об. = НПЛмл, л. 66 об.) и др.

Ср. примеры из поздней части ПВЛ:

И рѣтъ юму иди в Русл оплати и буди блѣгъльне ѿ Стына Горы. и рѣтъ юму како ѿ тебе мнози черныци быти имутъ (ПВЛ, 1051 г., Лавр., л. 53 — Ипат.: *и мнози ѿ тебе чернорисци будуть*, л. 58 об.) — о пострижении Антония, которому предстояло основать Печерский монастырь, — пророчество о том, что непременно совершится;

И прислаша Торци къ Стополку глыце. Аще не пришлиши брашина предатися има^м ‘вынуждены будем сдаться’ (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 73 об. = Ипат., л. 81 об.) и др.

Семантика *имать*-конструкций здесь та же, что и в ст.-сл. текстах, хотя отмечаемого для ст.-сл. Евангелий тяготения к отрицательным контекстам [см. Козлов 2014: 134–135] не наблюдается. Действительно, обнаруживает-

ция) значений, но при этом равно возможные в некнижных текстах (см. [Гудков 1963: 39–43]), указывают на возможность длительного периода сосуществования этих различающихся по значению структур, предшествующего, очевидно, грамматикализации будущего времени.

ся тенденция к преимущественному употреблению *имъти*-оборотов в асертивной части высказывания — особенно в главной части условных конструкций с препозитивным придаточным (типа *аще Р / [то] имать + инфинитив*) и даже, возможно, к превращению таких структур в устойчивые формулы (ср. выше в приведенных примерах неоднократно встречавшееся: *аще не... / предатися имамъ* при описании ситуации осады, ср. ту же структуру с тем же значением ‘если (не) будет сделано нечто, неизбежно произойдет это’ с другим лексическим наполнением). В силу модальной семантики *имать*-конструкций ассерция в таких контекстах действительно становится усиленной.

Однако такое употребление для *имъти*-оборотов все же не обязательно — см. примеры выше, см. также, например, контекст из заключительной части ПВЛ (слова половцев):

Просим мира оу Руси. яко крѣпко имутъ битися с нами. мы бо много зла створихо⁶ Русскыи земли (ПВЛ, 1103 г., Лавр., л. 93 об. = Ипат., л. 35 об.) ‘давайте будем просить у Руси (русских) мира, потому что они [неизбежно, точно] будут крепко биться с нами из-за того, что мы много зла причинили Русской земле’ — и др.

Развитие этого значения «неизбежности, неотвратимости» *имъти*-конструкций объяснимо: оно идет от глагола обладания, эволюционирующего в показатель внешней необходимости. На такой путь развития семантики этих славянских оборотов уже обращали внимание исследователи: «действие или событие подается как уже «принадлежащее субъекту», как «находящееся в его собственности», т. е. субъект как бы уже «обладает» событием — отсюда «Х имать (произойти)» выражает ‘Х (непременно) произойдет’» [Юрьева 2009:8; 2011: 71]; о том, что развитие глагола обладания в показатель внешней необходимости типологически хорошо засвидетельствовано (ср. англ. X *has to* V и др.), см. [Bybee, Perkins, Paugliuca 1994: 183–185], в связи с рассматриваемыми славянскими конструкциями см. [Козлов 2014: 142]. Подчеркнем, что семантически глагол типа ‘иметь’ (‘habere’) развивается в показатель именно в нешней модальности (из базового значения ‘я имею это’, т. е. это находится в моей собственности — но не во мне как часть меня, это не есть мои внутренние неотчуждаемые свойства, как для конструкций с *хотѣти*), и эта модальность *имамъ*-конструкций — именно модальность необходимости (уже ‘имею’ сейчас — тем самым выражается, что действие произойдет неизбежно и необходимо, иные возможности развития событий исключаются)⁶. Именно

⁶ Безусловно, это лишь самый общий «грубый» набросок пути развития семантики конструкции, не претендующий на точное представление отдельных стадий семантических сдвигов. Как уже отмечалось, развитие у конструкций типа ‘имеет (произойти)’ значений типа ‘необходимо (должно) произойти’ типологически закономерно (см. указ. соч.). Специально обратим внимание на то, что модальное значение неизбежности («destiny», «inevitability», «what is to be»), которое мы находим у рассматриваемых *имать*-конструкций, также отмечалось типологами как значение

отсюда, как кажется, возникает отмечавшееся исследователями значение подчеркнутой (более высокой) уверенности в том, что названные события непременно (безальтернативно) совершаются (см. выше).

В [Козлов 2014] предполагается, что *имъти*-конструкции в ст.-сл. отражают уже следующую ступень своей семантической эволюции: от внешней необходимости к будущему времени с усиленной ассерцией (впоследствии этот экспрессивный компонент семантики утратится и оно превратится в нейтральное будущее время) [Там же: 142]. Сомнение здесь вызывает предложение трактовать *имъти*-конструкции уже как морфологическое (?) будущее время — даже для ст.-сл., хотя в южнославянской диалектной зоне ситуация могла быть более продвинутой, чем в вост.-слав. Для вост.-слав. зоны это определенно не так: будущего на базе *имамъ*- конструкций здесь вообще не разовьется — при этом употребление этих структур в ранних вост.-слав. текстах в основном сходно со ст.-сл.

Как кажется, представленное в древних славянских текстах значение *имамъ*-конструкций — это и есть модальное значение необходимости, по своему генезису внешней, хотя этот ее внешний по отношению к субъекту характер может быть уже в значительной степени «выветрившимся» (как внутренний исконно интенциональный характер семантики у *хотъти*- конструкций — см. выше).

Обратим внимание, что в ПВЛ (как и в других памятниках) встречается употребление глагола *имъти* (*имамъ*, *имаши*, *имать...*) и в собственном лексическом значении 'habere' — причем не только в ранней части летописи.

Ср., например, вне сочетаний с инфинитивом:

Кудесникъ же вставъ ре^т //новго^(ро)дыю. бзи не смыть прити. нъчто имаши на собѣ. югоже бојатса. он же поманувъ на собѣ кр^тть и ѿшедъ постави кромъ храминъ тое (ПВЛ, 1071 г., Лавр., л. 60 об.) — ‘нечто имеешь на себе, чего [бесы] боятся’;

И ръша юму [Святополку] мужи смыслени. Не кушаися противу имъ како мало имаши вои (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об.) — ‘… так как ты мало имеешь воинов (у тебя мало воинов, маленькое войско)’;

ср. в том же рассказе о распре между Святополком и Владимиром под 1093 г.: *И ръша има мужи смыслени. почто вы распра имате* (РА — *имата*) *межи собою. а погании губить землю Русскую* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 73) — ‘… вы распри имеете (враждуете) между собой, а поганые…’ и др.

Интересно, что встречаются контексты, где формы типа *имамъ* — *имать* употребляются как вне сочетаний с инфинитивом в собственном лексическом значении ‘иметь’, так и в конструкции *имать* + инфинитив с модальным значением неизбежности грядущей ситуации. Соположение тех и других форм в тексте делает особенно наглядным связь этих значений — прямого и переносного, представленного в инфинитивной конструкции, ср. в начальной части ПВЛ:

ние, тесно связанное с необходимостью и часто объединенное с ней [Bybee, Perkins, Paugliuca 1994: 186–187].

... да не посрамимъ землѣ Рускіѣ но лажемъ костыми [ту] мертвы. ибо срама **не имамъ** (НПЛмл — **не иму⁷**). Аще ли побѣгнемъ срамъ **имамъ** и **не имамъ оубѣжати** но станемъ крѣпко (ПВЛ, 970 г., Лавр., л. 21 об. = НПЛмл, л. 40; Ипат. — аще ли побѣгнемъ то срамъ **на**⁷. и **не имамъ оубѣгнугти** но станемъ крѣпко, л. 28) — по всей видимости, первоначальным было чтение Лавр. = НПЛмл **срамъ имамъ и не имамъ оубѣжати** с находящимися рядом формами **имамъ** в исходном значении ‘срам (позор) имеем (= будем иметь, получим)’ и в модальном значении необходимости в сочетании с инфинитивом ‘ни за что не убежим, нам необходимо не убежать’⁷.

Ср. в цитированном выше рассказе из поздней части ПВЛ о распре между Святополком и Владимиром под 1093 г. наряду с независимыми формами **имаши вои** ‘имеешь воинов’, **распра имате межси собою** (см. выше) в начале рассказа представлена инфинитивная **имѣти**-конструкция:

Володимеръ же нача размышлати река. Аще сладу на столъ ѿца своего. то имѣ⁷ рать со Степолокъ взлти. яко есть столъ пре^ж ѿ ѿца ѿего быль (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л. 72 об. = Ипат., л. 80) — ‘неизбежно (должен) буду (мне придется) воевать со Святополком, потому что...’ — то же значение внешней необходимости, выраженное посредством глагола **имѣти** в сочетании с инфинитивом основного глагола.

3.2. В описаниях семантики **имѣти**-конструкций можно встретить указание на выражаемое ими (помимо значения неизбежности/необходимости) значение долженствования [Юрьева 2009: 8–9; 2011: 74–75]. Однако понятие долженствования достаточно расплывчато: иногда его выделяют и у **хотѣти**-конструкций (см.: [Кузнецов 1953: 252; 1959: 235; Мустафина, Хабургаев 1985: 25, 30; Юрьева 2009: 13–14]) — там, где современный русский перевод с использованием слов «должен», «надлежит», «придет-ся» оказывается приемлемым. Но, как мы уже говорили, в современном переводе далеко не всегда удается передать тонкие различия семантики этих древних конструкций. В случае с **имѣти** + инфинитив, думается, во всех примерах так называемого долженствования мы имеем дело с той же семантикой внешней необходимости, только в некоторых контекстах русский перевод через «должен», «придется» оказывается наиболее удобным (см. выше контексты и их предлагаемые переводы)⁸.

⁷ Обратим внимание, что в этом контексте и полнозначное **имамъ** ‘habere’ выражает отнесенность ситуации к будущему: **срамъ имамъ**, выше **срама не имамъ** — ‘срамъ будем иметь (если поступим так)’ — это показывает, что и первичное лексическое значение глагола **имѣти** легко может интерпретироваться как отнесенное к плану будущего (ср. о том же [Кузнецов 1959: 236]), что могло стать еще одним основанием для развития футуральной семантики инфинитивных конструкций.

⁸ Собственно говоря, русские «должен», «нужно» могут передавать как внутреннюю необходимость, так и внешнюю, а ряд «должен, придется» — именно внешнюю (см. [Плунгян 2011: 428]).

Интересен в связи с этим отрицательный контекст с *имъти*-конструкцией, выражающей запрет поступать указанным образом:

И рѣ^т жена къ змию. Рѣ^т Бъ не имата касти. а ли (Р.А. аще ли, Ипат. оли) да оумрета смртью (ПВЛ, 986 г., Речь Философа, Лавр., л. 29 = Ипат., л. 35) — ‘вы не должны (ни в коем случае) есть (= вам необходимо не есть), в противном случае...’ (об этом контексте в связи со значением долженствования см. [Юрева 2011: 75]).

Контекст этот явно архаичен — ср. архаичное *али* (Ипат. оли) с предикативным значением ‘если же нет (в противном случае)’, — и конструкция *не имата касти* здесь имеет то же описанное выше значение внешней необходимости, превращающееся в таком контексте отрицания в решительный запрет (ср. возможность употребления в современном русском языке будущего индикатива в контексте императивного запрета (без отрицания — приказа): *ты не будешь этого делать, ты никуда не пойдешь* и под.).

Во всех рассмотренных случаях модальное значение неизбежности имплицирует отнесение ситуации к сфере грядущего, т. е. временному плану будущего. Однако в ПВЛ есть контекст, где при том же значении *имать*-конструкции отнесения ситуации к плану будущего нет. На этот контекст из рассказа о пещерском старце Исакии, впавшего в тяжелый недуг в результате козней бесов, обращали внимание многие исследователи (см. [Потебня 1888: 364–365; Мустафина 1984: 14; Мустафина, Хабургаев 1985: 23; Юрева 2011: 75]), трактуя его при этом по-разному. Приведем контекст:

Пришедше взлаша и мертвa мнaще [и] вынесше положшиа и пре^т пещерю и оузръша яко живъ юстъ. и рѣ^т игуменъ Феодосии се имать быти ѿ бъсовъскаго дѣиства (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65).

Заметим, что в Ипат. летописи пропущен инфинитив *быти*, т. е. читается *яко се имать ѿ бъсовъскаго дѣиства* (л. 71 об.), однако уже в Х.П. списках, представляющих ту же, что Ипат., редакцию ПВЛ, находим чтение *имать быти* — то же, что во всех старших списках Лавр. группы, — и именно его, соответственно, надо признать исконным. Интересно при этом, что вторичное «дефектное» чтение Ипат. списка тоже оказывается семантически и грамматически допустимым: *се имать ѿ бъсовъскаго дѣиства* — ‘(он) это имеет от бесовского действия (бесовских козней)’ = ‘у него это (случилось) от бесовских козней’ — глагол *имъти* в таком случае выражает свое первичное значение обладания. Однако в исходном тексте ПВЛ здесь читалась инфинитивная модальная конструкция с глаголом *имъти*, значение которого интерпретировалось как переносное⁹.

⁹ Надо сказать, что «пещерская» часть ПВЛ, особенно рассказы о пещерских старцах под 1074 г., изобилует архаичными и при этом грамматически правильными употреблениями глагольных форм: именно здесь широко употребляется имперфект СВ (см. [Маслов 2004/1984; Шевелева 2015а]), встречается некнижный и книжный плюсквамперфект в синонимичных контекстах (см. [Шевелева 2015: 189–191]), представлены яркие примеры *имъти*-конструкций (ср. в том же расска-

Модальное значение *имать*-конструкции здесь несомненно, но при этом отнесения к плану будущего явно нет.

А. А. Потебня предполагал, что *имать* в сочетании с *быти* в данном контексте еще сохраняет самостоятельность своего временного значения, а все сочетание «имеет значение настоящего с оттенком вероятности», т. е. *се имать быти ѿ бѣсовъскаго дѣйства* — «должно быть, вероятно (млр. *мѣбуть*) это происходит (теперь) от бесовского наваждения» [Потебня 1888: 363–364]. Тем самым предлагается видеть здесь уже модальность эпистемической оценки со стороны говорящего¹⁰.

Однако оценочная модальность в действительности предполагала бы более продвинутую ступень эволюции семантики конструкции (сравнительно с представленным в прочих примерах значением необходимости), а здесь, как и думал А. А. Потебня, скорее перед нами архаизм, связанный с сохранением большей независимости *имать*.

Более вероятным кажется видеть в этом контексте то же значение внешней необходимости, характерное в нормальном случае для *имать*-конструкций: ‘это (произошедшее, данная ситуация — результат, наблюдался в момент речи) определенно (неизбежно, закономерно) произошло от бесовского наваждения’, ‘it has to be’; ср. близкую трактовку в работах Г. А. Хабургаева — Э. К. Мустафиной: «Конструкция *имать быти* (а не *есть*) здесь использована не для указания на будущее, а для подчеркивания непререкаемой уверенности праведника (во вмешательстве нечистой силы), что и актуализируется обычно глаголом *имамъ*» [Мустафина 1984: 14; ср. также Мустафина, Хабургаев 1985: 23]. Предлагаемая в [Юрьева 2011: 75] интерпретация этого контекста как значения долженствования и передача его через «должно быть» («это должно быть от бесовского действия»), в сущности, предполагает ту же семантику внешней необходимости¹¹.

Наиболее точно значение *имать быти* в этом контексте, как кажется, передает англ. *has to be* — точное соответствие нашей *имѣти*-конструкции, точно так же специализированное на выражении внешней модальности.

Этот яркий пример из пещерских рассказов ПВЛ показывает, что в эпоху создания текста (рубеж XI–XII вв.) *имѣти*-конструкции еще не стали будущим временем: подчеркнутое значение внешней необходимости здесь есть, усиленная ассерция тоже есть, но будущего нет. Временное значение будущего в ту эпоху еще не стало обязательным для *имать*-конструкций —

зе о старце Исакии — см. ниже). Эта часть текста ПВЛ, по всей видимости, хорошо отражает многие особенности киевской традиции начала XII в.

¹⁰ Заметим, что и *хотѣти*-конструкцию с *быти* А. А. Потебня предлагал трактовать как сходную эпистемическую оценку, ср. *лють се мужъ хоче быти* (ПВЛ, 971 г.) — «должно быть (стало быть) он лют, когда...» [Потебня 1888: 367] — см. выше, примеч. 3.

¹¹ О многозначности современного рус. «должен», «должно быть» см. выше, примеч. 8.

видимо, оно могло задаваться контекстом (прагматически), что в большинстве случаев и происходило, собственно же грамматическим значением конструкции было модальное.

Обратим при этом внимание на то, что в том же рассказе о печерском старце Исакии есть еще несколько примеров *имать*-конструкции — в них при той же модальности необходимости ситуация оказывается отнесенной к плану будущего, ср. в словах Исакия после того как он был исцелен игуменом Феодосием (Печерским):

Исакии же рѣ^т. Се оуже прелстил ма юси быль дьяволе стѣдлица на юдино^м мѣстѣ. а оуже не има^т сѧ затворити в пещерѣ. но има^т тѧ побѣдити ходя в монастырѣ (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65 об.) — ‘теперь уже (ни за что) не затворюсь в пещере, но непременно одержу над тобой победу, живя (вместе со всей братией) в монастыре’ — заверение Исакия о том, как он теперь будет непременно действовать.

Есть в том же рассказе и контекст, где *имамъ*-конструкция со свойственным ей модальным значением (при этом относящая ожидаемую как неизбежную ситуацию к будущему) следует после независимого *имамъ* в своем первичном значении ‘иметь’ — и значения этих двух форм *има^т* явно соотносятся в контексте, «перекликаются», выявляется их общий семантический компонент обладания в прямом и переносном смысле, ср.:

Аще ма бѣсте прелстили в пещерѣ первое. понеже не вѣдлхъ кознии ваши^х и лукавства. нонъ же имамъ Г҃а Г҃а Ха и Бѣ моєго и мѣтитву ѿца моєго Феодосія. надг҃юся [на Х^а има^т побѣдити [вѣ^т]] (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66 = Ипат., л. 72 об.) — ‘теперь имею (со мной) Господа Бога моего Иисуса Христа и молитву отца моего Феодосия (теперь со мной Господь мой Иисус Христос и молитва отца моего Феодосия) … непременно (неизбежно) одержу над вами победу’;

другие примеры подобного «соположения» в контексте свободного *имамъ* и *имамъ* + инфинитив см. выше (с. 206–207).

Это сосуществование рядом в тексте — в пределах одного небольшого рассказа на соседних листах — *имать быти* с модальным значением без отнесения к плану будущего, *имамъ* (*са*) *затворити*, *побѣдити* (2 раза) с тем же модальным значением, но с отнесением ситуации к плану будущего и свободного *имамъ* в значении ‘имею, у меня есть’, синтаксически однородного конструкции *имамъ побѣдити*, свидетельствует о том, что в языке составителя текста *имать* (*имамъ* и под.) + инфинитив была модальной конструкцией с отчетливо осознаваемым значением неизбежности (внешней необходимости), но не грамматическим будущим временем.

3.3. Как уже говорилось выше, в вост.-слав. письменности *имать*-конструкции представлены только в книжных текстах. При этом в эпоху создания ПВЛ значение конструкции, несомненно, прекрасно осознавалось: даже если это знание уже становилось «пассивным», они еще никак не были «мертвыми» архаизмами (если *имать*-конструкции в начале XII в. от-

существовали в живой вост.-слав. речи, они могли быть вытеснены в сферу пассивного знания — ситуация могла быть аналогичной ситуации с аористом и имперфектом в ту же эпоху, также оттесненными в сферу пассивного знания, см. об этом [Зализняк 2004: 174], см. также выше).

Последующего развития в вост.-слав. зоне, как мы знаем, *имать*-конструкции не имеют: позднее они останутся (часто как застывшие клише) только в церк.-слав. традиции (см. [Юрьева 2011: 82–83]). Не исключено даже, что и в древнерусскую эпоху в отношении этих конструкций существовали диалектные различия: они не свойственны новгородскому летописанию [Юрьева 2009: 7]¹² — можно предположить, что в древненовгородской диалектной системе рубежа XI–XII вв. они отсутствовали, возможно раньше утратились (что соответствует гипотезе о более архаичной системе финитных глагольных форм в южнодревнерусских диалектах сравнительно с древненовгородским [Шевелева 2015а; 2016]).

Развитие по пути грамматикализации в будущее время в вост.-слав. зоне получат, как известно, инфинитивные конструкции с *иму*. Сосуществовали ли они когда-то с *имамъ*-конструкциями как разные структуры (как это было, по данным исследователей, вплоть до XV в. в древнесербских источниках [Гудков 1963], см. об этом выше — примеч. 5) или одна конструкция была вытеснена другой в связи с вытеснением нетематического глагола *имамъ* тематическим *имоу* — эти вопросы, как уже говорилось, еще нуждаются в исследовании.

В старейших летописях XI–XII вв. *имоу*-конструкций нет — они появляются в памятниках (в том числе в летописях) только с XIII в. (см. выше). По поводу семантики *имоу*-конструкций все исследователи отмечают отсутствие каких-либо модальных значений и выражение ими значения будущего времени [Борковский 1949: 147–148; Горшкова, Хабургаев 1981: 322; Юрьева 2009: 10; 2011: 86 и др.]. Значит ли это, что эти структуры уже на раннем этапе были близки к грамматикализации в морфологическое будущее время, и каким был путь этой грамматикализации с точки зрения семантической эволюции?

Как кажется, представление семантики конструкций с *имоу* как собственно будущего является скорее некоторой модернизацией ситуации. Более точна, думается, характеристика этих конструкций у А. А. Потебни, назвавшего их «будущим начинательным» [Потебня 1888: 366] и отметившего, что их вспомогательный глагол предполагает вещественное значение ‘брать’, а не ‘иметь’, как у *имать*-конструкций [Там же]. Действительно,

¹² Показательно, что единственный случай употребления *имать*-конструкции вне церк.-слав. цитат в НПЛ (обоих изводов) читается в Повести о битве на Калке, испытавшей влияние киевской летописной традиции [Гиппиус 2009: 194–195 и др.], и представляет собой обсуждавшуюся нами выше (см. с. 204–205) устойчивую формулу, ср.: *оже мы бра^{мы}є симъ не поможемъ. тъ си имутъ предати сл к нимъ* (НПЛст, 1224 г., л. 97).

развитие футуральной семантики у *иму* + инфинитив вполне может быть связано с эволюцией исконного значения *тати* ‘взять’ в значение наступления новой ситуации —ср. семантически сходное совр. рус. *взяться, приняться* ‘начать что-л.(делать)’ (*Тут он взялся/принялся рассказывать о... ≈ он стал (начал) рассказывать о...* и под., ср. выделение соответствующего значения в [БАС, т. 2: 342; т. 11: 628]), ср. также др.-рус. *възлати рать* ‘начать войну’ (см. ниже пример из ПВЛ под 1097 г.), *възлати миръ* ‘заключить мир, т. е. начать мирное сосуществование’ и другие фразеологизмы на базе глагола *възлати*. Значение ‘взять что-л. (делать)’ эволюционирует в переносное значение ‘начать что-л. делать’, т. е. значение начала существования новой ситуации, которое впоследствии может развиться в темпоральное значение будущего¹³.

Именно таким — фазовым, а не модальным — могло быть исконное значение *имоу*-конструкций в древнерусском, т. е. сходным со значением инфинитивной конструкции с *начати (почати)*¹⁴.

Именно эти «начинательные», условно говоря, структуры получили активное развитие в вост.-слав. зоне — с *начыноу* (*почыноу*), *имоу*, позднее *стану* (см. [Кузнецов 1953: 254; 1959: 241–243, 246; Борковский 1949: 148–152; Горшкова, Хабургаев 1981: 322–324; Молдован 2010]). К семантическому развитию древних *имъти*-конструкций они, видимо, отношения не имеют, но и морфологическим будущим на раннем этапе еще, очевидно, не были.

4. *Хочеть-//имать*-конструкции в текстах: мотивированный выбор

Итак, в эпоху создания ПВЛ инфинитивные *имъти*-конструкции имели модальное значение внешней необходимости, развившееся на базе значения обладания, отчуждаемой принадлежности; инфинитивные конструкции с *хотѣти* имели проспективное значение, развившееся из интенционального, т. е. значение внутреннего проспектива, категоризующего наступающую ситуацию как следствие развития внутренних (неотчуждаемых) свойств субъекта.

¹³ Хотя значение типа ‘получить’ (‘get, obtain, catch’), наряду с более распространенным ‘иметь’, тоже известно в типологии как источник модальных облигаторных конструкций [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 184], для славянского *тати-иму* ‘взять’ более вероятным кажется развитие значения ‘начать’, а через него — будущего: все эти стадии реально засвидетельствованы.

¹⁴ Точнее, значением начала существования новой ситуации, что имеет некоторые тонкие семантические отличия от совр. рус. фазового *начать*, обладающего ограничениями на сочетаемость со стативами и прочими глаголами, не допускающими процессуализации, — для др.-рус. *начати (почати)* этих ограничений нет (см. об этом [Юрьева 2010]).

Хотъти-конструкции категоризуют грядущую ситуацию как происходящую «изнутри» субъекта, *имъти*-конструкции — «извне», поскольку они базируются на значении отчуждаемого обладания ‘habere’.

Именно в этом, думается, состоят базовые различия грамматической семантики *имъти*- vs. *хотъти*-конструкций, однако надо иметь в виду, что по денотативному содержанию в реальном употреблении они действительно могут сближаться (см. о том же [Козлов 2014]) и современный русский перевод может склонять к представлению об их полной эквивалентности (см. выше о переводах с помощью совр. рус. «должен», «должно быть», «суждено», «предстоит») — однако это не означает тождества их грамматической семантики¹⁵.

В ПВЛ встречаются контексты, включающие обе эти конструкции, — различия их семантики в таких случаях выявляются вполне отчетливо¹⁶. Ср. контекст из Повести об ослеплении Василька Теребовльского:

Моли́ся кна́же тобъ и братома твоими. не мозъте погубити Руськы́ земли. аще бо възмете рать межю собою // погани имуть радоватися. и возмутъ землю нашю иже бѣша стяжали бѣши ваши и дѣди трудодѣ великии и храбрьствомъ побарающъ по Руськыи земли. ины земли приискываху. а вы хотете погубити землю Русскую (ПВЛ, 1097 г., Лавр., л. 88 об.–89 = Ипат., л. 90 об.) — ‘...ибо если вы начнете войну между собой, поганые (наши враги-кочевники) неизбежно будут довольны (это неизбежно будет в их интересах, будет способствовать их успехам) и захватят землю нашу, которую стяжали (приобрели, объединили) отцы ваши и деды великим трудом... А вы (действуя так) собираетесь погубить (приведете к тому, что погубите) Русскую землю’.

Этот яркий контекст, демонстрирующий традиции стилистики и топики киевских воинских повестей¹⁷, явно использует наши инфинитивные кон-

¹⁵ Надо сказать, что на различие значений *хотъти*-/ *имъти*-конструкций в сходных контекстах так называемого «долженствования», предсказаний впервые обращено внимание в [Мустафина, Хабургаев 1985]. Предлагаемая в этой работе трактовка специфики их «модальных оттенков» как выражения неизбежности, неотвратимости для *имать*-оборотов и «волевого намерения» («волевой деятельности») субъекта («субъективности») для *хотеть*-оборотов [Там же: 24–28, 30] — при всей неудачности характеристики семантики *хоту*-конструкций — возможно, подразумевает нечто в определенном отношении близкое к высказанному выше: похоже, имеется в виду прежде всего представление грядущей ситуации как исходящей от субъекта («изнутри», хотя, конечно, ни о каком «волевом» компоненте здесь речи быть не может) в противоположность семантике «объективной» неизбежности *имамъ*-конструкций.

¹⁶ Некоторые из этих контекстов рассматриваются также в [Мустафина, Хабургаев 1985] с целью демонстрации различий их семантики.

¹⁷ По мнению А. А. Гиппиуса, эта часть Повести об ослеплении Василька атрибутируется составителю ПВЛ [Гиппиус 2005], т. е. должна быть датирована начлом 10-х гг. XII в.

структур в соответствии с различием их значений: *имутъ радоватися* — ‘неизбежно, неотвратимо будут радоваться (будут этим довольны)’, *хотете погубити* — внутренний проспектив ‘хотите погубить’ → ‘собираетесь погубить’, ‘ваše поведение приведет к тому, что вы погубите’ — значение этой последней фразы, завершающей обращенную к Владимиру речь делегации киевлян, явно противопоставлено открывающему контекст призыву *не мозъте погубити Русьскыѣ земли*.

С другой стороны, в ПВЛ есть случаи употребления *имъти-* и *хотъти-* конструкций в сходных контекстах. На первый взгляд кажется, что они синонимичны, но в действительности различие грамматических значений, судя по всему, сохраняется.

Ср. уже приводившийся контекст из Речи Философа: [*И рѣша вольсви египетстии ѹрю. родилса є^т дѣтищъ в жидѣхъ*] иже *хощеть погубити* Сюпетъ (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 31 = Ипат., л. 37 = НПЛмл, л. 53) — и далее в том же рассказе в словах волхва, увидевшего, как ребенок-Моисей, играя, сбросил с головы царя царский венец:

Видѣвъ же вольхъ и ре^т ѹрви. о ѹрю погуби штруча се. аще ли не погубиши. имать погубити всего Сюпта (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 31 об. = НПЛмл, л. 53; Ипат. — *имаетъ погубити*, л. 37, но Х.П. *имать погубити*, что, несомненно, отражает исконное чтение).

«Денотативное содержание» этого пророчества волхвов в обоих его вариантах одно и то же: младенец Моисей в будущем погубит Египет. Однако представлено оно по-разному: в случае *хощеть погубити* это пророчество о том, что заложено в этом только что родившемся младенце — внутренний проспектив (ср. выше сходное значение контекстов из ЖФП и др., см. 2), в случае же *имать погубити* — предсказание о том, что неизбежно произойдет, если царь не погубит ребенка, — семантика внешней необходимости, основанная на значении обладания¹⁸.

Встречаются в ПВЛ и другие случаи употребления *имать*-конструкций и *хотеть*-конструкций с инфинитивами одних и тех же глаголов. Даже если они не находятся рядом в тексте и не представляют собой такую точную «минимальную пару», как приведенные выше контексты с *хощеть погубити* // *имать погубити*, такие примеры показательны.

Ср. конструкции с инфинитивом *быти*:

Рече же Володимеръ. то [в] кое время сбысться и было ли се есть. єда ли топерво хощетъ быти се (ПВЛ, 986 г., Лавр., л. 34 об. = Ипат.,

¹⁸ Возможно, свою роль в выборе здесь *имать*-конструкции играет и характерная для нее в вост.-слав. традиции синтаксическая структура с препозитивным условным придаточным (*аще не* Р, [то] *имать*+инфinitiv — см. выше с. 204–205). Однако преимущественная связь с этой синтаксической конструкцией никак не противоречит семантической правильности употребления в ней *имать*-оборота — в соответствии с его грамматическим значением.

л. 39 об.=НПЛмл, л. 57 об.) — в Речи Философа вопрос Владимира: «Когда это (предсказанное пророками) сбылось и было ли это уже или [только] теперь собирается произойти?»;

ср. с тем же значением приведенный выше контекст: *то въси ли что 8тро хощеть быти и что ли до вечера... въси ли что [ти] хощеть быти днв*⁷ (ПВЛ, 1071 г., Лавр., л. 61 = Ипат., л. 67 = НПЛмл, л. 94 об.) и другие с тем же проспективным значением ‘собирается быть, произойти’ — см. примеры выше (раздел 2); ср. также замечательный пример из надписи 60-х гг. XII вв. в Софии Новгородской: *охъ же тебе хощеть быти ‘Ох и будет же тебе!’* [Гиппиус, Седов 2016: 208; Юрьева 2015].

Сравним *имъти*-конструкции с тем же инфинитивом *быти*:

Пилатъ же испытавъ яко без вины приведоша и хотъ испустити и. они же рѣша ему. Аще сего пустииши не имаши быти другъ кисареви (ПВЛ, 986 г., Речь Философа, Лавр., л. 35–35 об.) — в словах иудейских первосвященников, обращенных к Пилату: «Если ты его отпустишь, ни за что (неизбежно) не будешь другом кесарю», т. е. ты получишь такую ситуацию;

ср. подробно обсуждавшийся выше контекст: *се имать быти ѿ бѣсовъ скаго дѣиства* (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65) ‘it has to be’ (см. раздел 3.2) и др. — как кажется, модальное значение внешней необходимости, развившееся на базе значения обладания, во всех этих примерах очевидно.

Как мы видим, в XII в. — в эпоху создания ПВЛ — *имать-//хочеть*-конструкции различались по значению, и даже если обе они могли выражать так называемое значение «долженствования», неизбежности, употребляться в пророчествах и предсказаниях, это было разное «долженствование» и разные (с точки зрения семантики) предсказания: для *хотѣти* они шли «изнутри» — от метафоры на базе значения намерения, для *имъти* — «извне», от метафоры обладания. Безусловно, эти различия были различиями «внутренней формы» значений обсуждаемых оборотов — вряд ли можно предполагать, что они так воспринимались на «поверхностном» уровне. Однако то, что выбор конструкции осуществлялся вполне сознательно (ср. об этом также [Мустафина, Хабургаев 1985]), имеет, думается, именно такую семантическую основу.

Материал ПВЛ свидетельствует в пользу того, что в XII в. эти различия семантики *хотѣти-//имъти*-конструкций, идущие от их «внутренней формы», еще существовали.

Ни та ни другая из этих конструкций не была в XII в. грамматическим будущим временем — и так и не стала в вост.-слав. зоне: *имъти*-конструкции вообще в живом употреблении утратились, *хотѣти*-конструкции так и остались в части говоров (преимущественно северных) проспективом, в прочих же говорах тоже вышли из употребления.

Л и т е р а т у р а , и с т о ч н и к и

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
- Борковский 1949 — В. И. Б о р к о в с к и й. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949.
- Буслав 2006/1959 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. М., 2006.
- Гиппий 2005 — А. А. Г и п п и у с. «Повесть об ослеплении Василька Теребольского» в составе Повести временных лет: к стратификации текста // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 15–16.
- Гиппий 2009 — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хороши дни... Сборник памяти А. С. Хорошева. СПб., 2009. С. 181–198.
- Гиппий, Седов 2016 — А. А. Г и п п и у с, В л. В. С е д о в . Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и надписи // Труды отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М., 2016. С. 190–208.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Гудков 1963 — В. П. Г у д к о в. Параллель из истории форм будущего времени в сербохорватском и русском языках // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 38. М., 1963. С. 38–45.
- ЖАО — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ЖФП — Житие Феодосия Печерского по списку Успенского сборника XII–XIII вв. // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2 изд., доп. М., 2004.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.
- Козлов 2014 — А. А. К о з л о в. К грамматической семантике старославянских конструкций *хотъти/имъти* с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.
- Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецов 1959 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Т. 1.
- Маслов 2004 / 1984 — Ю. С. М а с л о в. Перфективный имперфект в древнерусском литературном языке // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 141–175.
- Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Молдован 2010 — А. М. М о л д о в а н. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.
- Мустафина 1984 — Э. К. М у с т а ф и н а. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет» (к вопросу о будущем времени в древнерусском языке) // Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.

Мустафина, Хабургаев 1985 — Э. К. М у с т а ф и н а, Г. А. Х а б у р г а е в. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамъ*, *хощу* и *могу* (на материале «Повести временных лет» по спискам XIV–XV вв.) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20–32.

НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

НПЛст — Новгородская первая летопись старшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛмл).

Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Потебня 1888 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Харьков, 1888.

Соболевский 2004/1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 2004.

Шевелева 2015 — М. Н. Ш е в е л е в а. Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013) // Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 180–209.

Шевелева 2015а — М. Н. Ш е в е л е в а. Заметка об имперфекте совершенного вида // <http://www.inslav.ru/zalizniak.80/congratulations/sheveleva.pdf>

Шевелева 2016 — М. Н. Ш е в е л е в а. К вопросу о хронологии процесса перестройки системы прошедших времен в восточнославянском ареале: диалектные различия // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», МГУ им. М. В. Ломоносова, 23–26 мая 2016 года. Труды и материалы. М., 2016. С. 280–282.

Юрьева 2006 — И. С. Ю р ь е в а. Конструкции *имамъ*, *хощю*, *начью* с инфинитивом, или так называемое «сложное будущее I», в Житии Андрея Юродивого и в древнерусских летописях старшего периода // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2006. № 5. С. 30–42.

Юрьева 2009 — И. С. Ю р ь е в а. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Юрьева 2010 — И. С. Ю р ь е в а. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 270–286.

Юрьева 2011 — И. С. Ю р ь е в а. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамъ* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.

Юрьева 2015 — И. С. Ю р ь е в а. Охъ же ты хочешь быти! // <http://www.inslav.ru/zalizniak.80/congratulations/yuryeva.pdf>.

Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the languages of the World. The University of Chicago Press. Chicago and London, 1994.

Резюме

Статья посвящена исследованию семантики инфинитивных конструкций с глаголами *имѣти* и *хотѣти* в ранних восточнославянских текстах; основным мате-

риалом послужила Повесть временных лет. Показано, что для древнерусских *хотѣти*-конструкций вполне применима предложенная недавно А. А. Козловым для соответствующих старославянских структур трактовка семантики как проспективной, однако нет оснований выделять особое значение предестинативного проспектива для контекстов пророчеств-предсказаний: во всех случаях это значение внутреннего проспектива, категоризующее наступающую ситуацию как следствие развития внутренних свойств субъекта. Для *имѣти*-конструкций, известных в восточнославянской традиции только в книжных текстах, предлагается видеть значение внешней необходимости, развившееся на базе значения обладания, отчуждающей принадлежности. Показано, что выбор *хотѣть-/имѣть*-конструкций — даже при сходстве денотативного содержания — в ранних текстах семантически мотивирован, причем и для книжных *имѣть*-конструкций, сохранившихся в XII в., видимо, в пассивном знании. Высказывается предположение, что древнерусские конструкции *иму* + инфинитив (от *jati* ‘взять’), отсутствующие в ранних летописях, но уже с XIII в. известные в футуральном употреблении и впоследствии на части восточнославянской территории грамматикализовавшиеся в будущее время, изначально имели не модальное, а начинательное значение (‘взять что-л. делать’ → ‘начать что-л. делать’).

Ключевые слова: инфинитивные конструкции с *имѣти* и *хотѣти*, раннедревнерусские памятники, Повесть временных лет, проспектив, модальность внешней необходимости.

Получено 02.04.2017

MARIA N. SHEVELEVA

**ON THE GRAMMATICAL SEMANTICS
OF THE PERIPHRASTIC CONSTRUCTIONS
LIKE *IMATЬ BYTI* VS. *KHOČETЬ BYTI* IN EARLY EAST SLAVIC TEXTS**

The paper deals with the grammatical semantics of the periphrastic infinitival constructions with the verbs *iměti* vs. *khotěti* in Early Old Russian texts, first of all in the *Povest' vremennykh let* chronicle. For *khotěti*-constructions the interpretation as prospective forms suggested recently by A. Kozlov for the same Old Church Slavonic constructions is quite appropriate, but there is no need to postulate a special prospective meaning for prophetic contexts: this is a manifestation of the same internal prospective meaning, the impending situation is a result of an evolution of the agent's internal characteristics. The meaning of *imat'*-constructions may be considered as external necessity and closely related to it destiny, inevitability, developed from that of alienable possession; these constructions occur only in bookish Old Russian texts, but in the 12th century their meaning was still quite comprehensible. The choice of *khočet'-imat'*-constructions in the oldest Russian chronicle is always semantically motivated. It is also suggested that the Old Russian constructions *imu* + infinitive (from *jati* ‘take’) with the future sense which do not occur in 12th century chronicles but are used by 13th century sources, originally had ingressive, and not modal, meaning.

Keywords: periphrastic constructions with *iměti* and *khotěti*, Old Russian, *Povest' vremennykh let*, prospective, external obligation/necessity modality.

Received on 02.04.2017